

acts as an object in relation to awakening emotionally – a sensual component of consciousness. It follows from this that the essence of ecological consciousness consists in nature consideration as supreme value, as subject of relationship, i. e. the ecological consciousness is consciousness in which the variety of reality is substituted for the nature. For formation of ecological consciousness of pupils the most essential moment takes the knowledge of regional feature of the nature of their district. Other feature of formation of ecological consciousness is in its initial sources of standart understanding of it.

It is established that awakening of emotional and sensual ethno-ecological consciousness stirs up nature protection literacy and purposeful activity of pupils.

References:

1. Deryabo S. D., Yasvin V. A. 1996. Ecological pedagogics and psychology. Rostov-na-Donu: Phenix: 480.
2. Akhmedova M. G. 1997. Ecological education and education as a pedagogical basis of development and ordering of natural-science knowledge of pupils (on a material of preparatory faculties of higher education institutions for foreign citizens) Makhachkala: 150.
3. Alekseev P. V., Panin A. V. 1998. Philosophy: textbook. Prod. 2 M: Prospectus: 568.
4. Philosophical encyclopedic dictionary. 1997. M: 423.
5. Savvinov A. S. 1997. System researches of objects of the various nature. M: Science: 199.
6. Savvinov A. S. 1995. The person through a prism of «Kut-sur». Yakutsk: Yakut scientific center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science: 112.
7. Grigorieva L. I. 2001. Formation of ecological consciousness of rural school students. Yakutsk: 171.
8. Grigorieva L. I. 2011. System of ecological education and education in a context of «model of feedback» by A. S. Savvinov. / Teacher XXI century. № 2: 64.
9. Savvinov D. D., Grigorieva L. I. 2000. Applied ecology of Amga. Yakutsk: 168.

Григор'єва Л. І. Поняття «екологічної свідомості» в системі екологічної освіти та виховання.

Григор'єва Л. І. підходить до вирішення завдань екологічної освіти та виховання з позиції розгляду природи як суб'єкта, як активного початку по відношенню до суб'єкта навчання. Стверджується, що природа може виступати як активний початок за певних умов. Умовами формування екологічної свідомості будуть цілісність, еталонність природи.

Ключові слова: екологічна освіта, природа, природа як активний початок, екологічна свідомість, емоційно-почуттєвий компонент свідомості.

Григорьева Л. И. Понятие «экологического сознания» в системе экологического образования и воспитания.

Григорьева Л. И. подходит к решению задач экологического образования и воспитания с позиции рассмотрения естественной природы как субъекта, как активного начала по отношению к субъекту обучения. Утверждается, что природа может выступать как активное начало при определенных условиях. Условиями формирования экологического сознания будут целостность, эталонность природы.

Ключевые слова: экологическое образование, естественная природа, природа как активное начало, экологическое сознание, эмоционально-чувственный компонент сознания.

Надійшла до редколегії 28. 02. 2013 р.

УДК 316.422; 316.334.3

Т. И. Грицкевич

Кемеровский государственный университет

СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА РЕФОРМАТОРСТВА

Социально-философской проблемой современного обществознания является трудность выделения реформаторской деятельности среди других видов преобразовательной деятельности. Анализируются особенности реформаторства и выделены такие существенные признаки деятельности как: способ изменения, осознанность цели преобразования, управляемость и ориентация на качественные изменения объекта; раскрываются структурообразующие её элементы и выделены критерии, при которых возможно реформаторство.

Ключевые слова: реформаторство, субъект – объект – процесс реформирования, модель и механизм преобразования объекта.

Методологические трудности исследования проблемы реформаторства в значительной мере были определены степенью научной разработанности проблем анализа динамики реформационных процессов в социальном развитии; проблемами субъект-объектного взаимодействия; проблемой идентификации субъекта, целенаправленно реформирующего объект в системе общественных отношений, как реформатора; гносеологических проблем формирования социального знания об объекте и специфичностью его конструирования в

процессах реформирования.

Политические, экономические, правовые, социальные изменения в российском обществе в последнее десятилетие стали предметом диссертационных исследований В. Синюгина, Д. Тибилова, В. Борачук, С. Чечкина, Л. Вахнина, Г. Егорова, П. Заяц, Д. Сорокина, М. Журавлева, В. Разумовского [15; 16; 2; 17; 3; 5; 8; 14; 6; 12], определивших направления исследовательского поиска в русле анализа вариативности реформ и эффективности их механизма. В исследовательских кругах долго шли острые дискуссии о проблеме определения типа изменений российского общества конца XX-начала XXI вв. Использовались различные по содержанию понятия: от понятия модернизация, реформирование, революционный переворот августа 1991 г. до понятия социальная трансформация. Однако так и не появилось социально-философских работ, посвященных анализу реформационного процесса, его структуры и составляющих элементов; реформатора как субъекта, инициирующего реформационные изменения и реформы как инструмента преобразования. Вне анализа остался сам феномен реформаторства личности.

Необходимость изучения специфических особенностей реформаторства как деятельности в контексте проблемы реформаторства как феномена человеческой культуры, отличающего его от других видов преобразовательной деятельности человека в обществе, так же обусловлена потребностью анализа её структуры. Очевидно, что формирование социального знания о практике изменения социальных институтов позволяют извлекать и формулировать из исторического опыта социальные ценности жизнедеятельности человека в системе общественных отношений, но и сделать процессы реформирования управляемыми.

Одновременное осуществление реформ в экономике, политике, социальной и правовой сферах за последние двадцать лет привели исследователей проблем изменений в современной России к разнополярным точкам зрения в понимании причин и движущих сил происходящих преобразований. Изначально, как отметил Ю. Н. Власов, они соединились в двух проекциях проблемы реформаторства – «реформирование по-российски и реформаторство как феномен мировой культуры» [4, с. 5]. Несмотря на альтернативное видение сущности проблем изменяющегося российского общества и бурные научные дискуссии о путях его развития, за пределами внимания исследователей так и остался сам феномен реформаторства. Хотя, именно реформаторство, именно возможность его осуществления в сферах социума, вызвала столь противоречивые процессы в российском обществе на рубеже конца XX-начала XXI вв., ставшие предметом острых дискуссий ученых.

Вопрос, что есть реформаторство, направляет нас на выявление существенных признаков и свойств реформаторства, отличающих её от других видов социальной деятельности, и подводит нас к феномену вариативности реформ: экономических, политических, правовых, социальных.

Анализ понятия реформаторство, несомненно, ведет нас к более широкому по смыслу понятию «социальная деятельность», поскольку само по себе реформаторство есть деятельность и она невозможна вне социума. Благодаря деятельностному подходу было предложено социально-философское понимание социальной деятельности как сложного единства мышления, коммуникации и действия, скрепленное рефлексивными и понимающими отношениями и связями, позволяющими протянуться из прошлого в будущее этому сложному единству процессов воспроизводства человека и общества. Разработки Г. П. Щедровицкого, Г. С. Батищева, М. С. Кагана, Э. В. Ильенкова, Э. Г. Юдина [18; 1; 10; 9; 19] позволили по новому решать проблему взаимосвязи человека и социального института. Решение заключалось в том, что понятие социальной деятельности позволяло процессуализировать и представлять социальные институты и человека как систему способностей и особых деяний – действий в конкретных ситуативных контекстах. Отсюда предметом проектирования становится не само бытие и существование человека, а способы воспроизводства основ жизнедеятельности, которые сегодня попадают под угрозы неконтролируемых изменений.

Мышление человека стало анализироваться в его эволюционно-процессуальных и коммуникативно-сетевых механизмах. Мышление человека последовательно конденсируется, уплотняется и накапливается в сетевых структурах коммуникативного общения-понимания, затем постепенно в этих структурах накапливается смысл, который может давать взрывной эффект понимания и затем снова переход от понимания к мышлению. Мышление как своеобразный организм сложно эволюционирует и движется, втягивая внутрь через рефлексию и перерабатывая результаты предшествующего этапа. Предложенная Г. П. Щедровицким мыследеятельностная семиотика и идеи схем деятельности позволили видеть как бы неуловимые деятельностные процессы (мышления,

понимания, действия, рефлексии, коммуникации) конструированных мозгом мыслительных схем [18]. Построение представлений о схематизации как способности сознания человека позволяло увидеть как в процессе культурно-исторического развития общества происходит схематизированное понимание структуры общества, структуры взаимодействия человека с социальными институтами и воздействия человека на них в зависимости от рожденных в мышлении моделей видения социальной реальности.

Конструирование модели социальной деятельности личности становится единственно центральным для объяснения взаимосвязи и взаимоотношений образующих систему взаимодействия «субъекта-объекта деятельности»: психическую активность личности (целесолагание, мотив, способы ориентации), саму деятельность по моделированию механизмов и способов активности как артефакта, который существует не благодаря физической природе, а благодаря тому, что он произведен в мыслительных процессах для определенного использования и инкорпорирован в человеческую культуру как способ взаимодействия с социально-историческим миром.

Мыслимое в философском смысле понятие «социальная деятельность» было неотделимо в трудах российских исследователей от прилагательного «преобразовательная». Несмотря на критику теоретиков системно-деятельностного подхода за отдельное выделение нового вида социальной деятельности – преобразовательной, М. С. Каган утверждал, что в зависимости от характера предмета преобразовательная социальная деятельность может быть: преобразованием природы, то есть трудом (в том смысле, в котором его употреблял К. Маркс); преобразованием общества, которое выступает и в революционно-разрушительной форме, и в созидательной, социально-организационной, но в обоих случаях выражается в изменении социальных объектов – отношений, институтов, учреждений; преобразованием человека, взятого в его физическом и духовном бытии [2, с. 55-56].

Таким образом, в теоретической модели социальной деятельности наряду с революционно преобразующей деятельностью мыслилась и реформаторская деятельность как непосредственное преобразование и изменение общественных институтов, учреждений или отношений. Но ведь в выделяемом выше понятии «преобразование общества» мы сегодня с уверенностью мыслим и модернизацию, и реформирование, и научно-технические революции, и даже инновационные преобразования. Так можно ли всю социальную деятельность человека в обществе считать преобразовательной? Очень справедливо отметил Р. Ю. Соколов в анализе социальной деятельности, что не всякое изменение в её осуществлении есть преобразование [13, с. 22-23].

Каждая деятельность человека уникальна, но в этой уникальности есть связующее общее – это потребность человека в активности. Между двумя бытовавшими ранее полюсами «индивид-социум» встает посредник – социальная деятельность, которая преобразует понимание первых двух понятий. С введением этого понятия культура общества сразу перестает быть нагромождением неодушевленных материальных предметов, а становится причудливой системой идеально-материальных артефактов. То есть таких технологий осуществления деятельности по созданию новых предметов, которые не существовали ранее и, которые сложно детально описать как осуществляющийся процесс с целью обучения других людей этой новой социальной деятельности.

Реформаторская деятельность дифференцируется соответственно видам ее практической деятельности. Тот или иной вид реформаторской деятельности личности выступает как опосредование соответствующего вида социальной практики так, что подсистемы практики и подсистемы духовной деятельности образуют соответствующие им социальные отношения – политические, социальные, экономические, правовые, духовные, экологические. Практическое опосредование реформаторской духовной деятельности в определенных условиях приводит к формированию идей о самой общественной практике с присущей ей социальными институтами. Можно утверждать, что реформаторская деятельность есть рефлексия социальной практики, сочетающая в себе как индивидуальное, субъективное, так и объективное содержания. Результат рефлексии есть всегда концептуальное выражение теоретической модели, объясняющей сущность, динамику и движущие силы социального процесса. В этом процессе рождаются идеи переустройства социальной системы согласно потребностям класса, группы, слоя, синтезированным в идеологию реформ.

Система взаимодействия «субъекта-объекта деятельности» является взаимозависимой моделью всех ее составляющих, в которой субъект не способен осознавать себя вне связи с определением объекта (группы объектов). Сколько в данной конструкции условий. Во-первых, условие осознания субъектом себя, своей деятельности через обнаружение объекта. Во-вторых, осознание должно быть не пассивно-статичным в фиксировании объекта, а обладать такими мыслительными процедурами, которые будут позволять анализировать, сравнивать, выделять структуру и функции, строить видоизменение объекта. Ведь

бесспорным является факт, что младенец не способен преобразовывать предмет, а вот более взрослый ребенок может конструировать, а образованный человек может не только воспроизводить механически-стереотипную деятельность, но и после размышлений способен преобразовывать деятельностные процедуры или сам объект, на который они направлены. В-третьих, объект не только должен выполнять функцию данности, но и вызывать активность субъекта. И даже если объект как «вещь в себе», непостижим, он вызывает активность как «вещь для нас». Именно видение его в ракурсе «вещи для нас» предполагает не только убежденность, что объект таков, но и в определенных ситуациях убежденность, что он должен быть изменен в определенных чертах. В-четвертых, данная убежденность должна формироваться в контексте культурно-исторической практики общества и содержать в себе успех моделирования объекта, применяя новые механизмы процесса преобразования на базе старых. И каждый раз это будет новый уникальный вид преобразования, уже не применимый к другим подобным объектам. Каждый раз это будет новое социальное творчество субъекта по созданию единственного видоизменения объекта.

Почему такая исключительность? Неповторимость связана со многими факторами самой динамики общества. Несмотря на понятие воспроизводства системы общества, мы наблюдаем уникально-индивидуальные социальные институты, общественные отношения, связи. Они неповторимы и единственны для каждого общества и невозможно подобие в другом обществе. Отсюда реформирование всегда представляет собой исключительно единственное неповторимое изменение объекта, зависящее от его местоположения в самой системе, структуры и сформированных функциональных связей. Поэтому всегда реформы экономические по механизму преобразования будут отличны от реформ политических или реформ в системе права. Их будет сближать суть – реформирование, а цель, модель и способ решения поставленной задачи будет разным.

И если не всякая социальная деятельность в своем осуществлении является преобразованием, то реформаторство с уверенностью можно считать подлинно преобразовательной деятельностью, поскольку она осознанно направлена на видоизменение специфических объектов сфер общества. Специфическими они являются потому, что в отличие от предмета социальной деятельности как такового, реформаторство имеет своим предметом видоизменение преобразование конкретного объекта определенной сферы общества. Объектом может быть определенный правовой, экономический, политический институт или определенные социальные, экономические, правовые отношения. Тем самым объект и предмет деятельности выделяют реформаторство как специфическую социальную деятельность.

Но что же позволяет реформаторству оставаться самой древней в применении деятельности и одновременно самым противоречивым феноменом социального знания?

Пытаясь ответить на этот вопрос, мы должны разделить и выделить такие понятия как реформатор, реформа, реформаторство и реформационный процесс, позволяющие адекватно мыслить сам феномен реформаторской деятельности. Реформаторство не отделимо ни от реформатора, как субъекта, осуществляющего реформаторскую деятельность; ни от реформы как способа изменения социальных институтов, институциональных и социальных связей, различных социально-экономических или социально-политических отношений в конкретных сферах общества; ни от реформационного процесса, включающего в себя динамику и взаимодействие всех компонентов преобразовательной деятельности по видоизменению объекта.

Очевидно, что недостаточно человеку иметь желание осуществить реформу, необходимы властные полномочия. Так же как и недостаточно иметь властные полномочия, необходима практическая востребованность реформирования объекта. Недостаточно ясно представлять цель видоизменения социального объекта и знать, как действовать, нужно суметь реализовать (то есть процессуально осуществить) реформу. Что может обуславливать или влиять на осуществление реформаторской деятельности при непосредственном воздействии на объект социума и как возможно само видоизменение объекта? Это выделяет проблему взаимодействия «реформатор – реформируемый объект» и проблему управляемости процессом видоизменения объекта. Процесс выделения специфических свойств реформаторства сложен в силу его переплетения со всеми компонентами реформационного процесса.

Но есть характерные черты, раскрывающие отличия реформаторства от других видов преобразовательной деятельности. Изначально это целеполагание и осознанная направленность самой деятельности реформатора на видоизменение объекта. Реформатор осознает, намеренно совершает действия, предполагает и даже желает наступление результата. И здесь очевидно нужно оговорить некие критерии, при которых возможно реформаторство.

Во-первых, это наличие знания об объекте, который будет реформирован. Информация о нем несет стимул осознания необходимости воздействия на предмет.

Во-вторых, наличие полагания у субъекта «изменить как хочу» и знания-умения (разработать технологии, механизм) как реализовать видоизменения, в какой последовательности, с какими усилиями. Это предполагает потенцию субъекта создавать модель, идеальный образ того, каким должен быть объект после видоизменения, нести какие функции, и как осуществлять жизнедеятельность.

В-третьих, это неоспоримое условие для реформирования и реализации реформаторства – доступ к власти. Прямой или непосредственный доступ к власти позволяет реализовать весь замысел реформы, поскольку власть обладает административными, силовыми (государственное принуждение) и финансовыми ресурсами без которых немислима практическая реализация реформирования. Можно с уверенностью сказать, что только властные полномочия дают прерогативу целенаправленно реформировать объект. И это подтверждает история существования общества, когда общественное мнение могло лишь толкать к принятию радикальных мер по социально-экономическим изменениям, но сам социальный слой или его индивидуальные представители не имели ни полномочий, ни возможностей не политических ресурсов реформировать даже при соблюдении всех остальных условий.

В-четвертых, умение сформулировать цели реформирования и создать команду для реализации реформы, умение создать идеологию преобразования, показать негативные стороны преобразуемого объекта и возможности его измениться, сформулировать ожидаемые результаты. Механизмы целеполагания в конструировании реформы и создания модели видоизменяемого социального объекта подразумевают взаимосвязанные, но в то же время автономные движущие силы, влияющие на осознание и формулирование цели реформирования:

- политика как борьба за власть внутри обществ, постоянно меняющиеся связи политических групп, партий, оппозиций;
- борьба за могущество, геополитическое противостояние в росте или распаде союзов, держав, цивилизаций;
- экономические процессы конкуренции, расширения рынков, кризисные явления в экономических структурах;
- развитие социально-демографической и территориальной инфраструктуры общества (города, дороги, экология проживания);
- научно-технические достижения, своим внедрением вносящие противоречия в производственные отношения;
- социально и культурное производство, борьба за статус и престиж отдельных деятелей или социальных групп;
- и, конечно же, очень сложные изменения человеческих качеств, порождающие потребности не в адаптации к внешней среде, а в ее активном изменении под свои нужды.

В-пятых, наличие интеллектуального пространства в понимании изменений. Предложенное Р. Коллинзом понятие «пространства интеллектуального внимания», в котором появляются и борются между собой идейные позиции, можно использовать в объяснении явления интеллектуального принятия-неприятия реформационных изменений [11]. От устойчивости и разветвленности коммуникативного поля идейной консолидации субъектов, включенных в процессы реформирования, зависит успешность в достижении поставленных целей.

Можно увидеть, что отдельные деятели (работники административно-хозяйственных структур субъектов федерации), наделенные в своем статусном положении полномочиями власти, как «социальные субъекты» воспринимают преобразовательные, реформаторские идеи и реализуют их в деятельности, получая на это политико-правовые и административно-экономические разрешительные санкции в виде законов, постановлений, указов власти. Но ведь то, что они реализуют реформу предназначено для всех членов общества. И здесь важно увидеть деятельность и интеллектуальное приятие тех социальных субъектов, на жизнедеятельности которых непосредственно сказывается изменение.

Некие мировоззренческие установки или введение новых социальных норм поведения в процессе социального изменения влияют на отдельных социальных субъектов, которые своей непосредственной деятельностью обуславливают процесс изменения в социальных институтах общества. Т. И. Заславская акцентирует внимание в связи с этим на то, что «прямым и непосредственным результатом реформ является изменение общественных институтов» [7, с. 65].

В-шестых, проявление реакции самого объекта на изменение. Созданный объект, социальная связь или социальный институт по завершению реформирования должен

полноценно функционировать с уже действующими структурно-функциональными компонентами всей целостной системы общества. Активное взаимодействие субъекта и объекта в процессе реформирования есть не что иное, как взаимодействие в котором субъект активен и целенаправленно изменяет, модифицирует объект. Последний, вследствие видоизменения, так же приобретает активность – самостоятельное функционирование в социально-экономических или духовных отношениях, институциональных связях с другими объектами. И здесь очень важно согласование потребностей, целей и успешности реализации видоизменений объекта.

Стремление к социально-экономическому и политическому чуду, как закономерному итогу цикла реформ российского общества конца XX- начала XXI века, оказалось во многом утопическим. Опыт реформирования других государств показал, что социально-экономический прорыв возможен не только при тщательно спланированном научно обоснованном внутривластном курсе, но и при идейной консолидации общества, когда согласуются адекватные социальные интересы, цели и идеологические установки. Ведь все это определяет реакцию общества на сформированные ранее ожидания.

Однако, несмотря на вышеуказанные критерии реформаторства, мы должны сказать, что она невозможна без следующих компонентов, составляющих единое целое в осуществлении реформирования. Мы с уверенностью можем сказать, что данные компоненты характеризуют реформаторство и его специфические особенности (существенные признаки), позволяя отличить эту деятельность от других видов преобразовательной деятельности.

Первым компонентом является субъект – деятель и конкретная личность, имеющая властные полномочия в силу своего политического статуса, осуществившая реформу. Именно обладание легитимным правом на преобразования в обществе, закрепленного законодательно определяет главу государства как специфического субъекта реформаторской деятельности. В современном политологическом понимании формы правления в государстве субъект может быть не только главой государства, но и главой правительства или быть инициатором реформ в определенной сфере общества являясь министром ведомства, регулирующего данную сферу жизнедеятельности общества. Современные реформаторы опираются в процессе подготовки реформы на специально разработанные проекты или модели реформирования подготовленные специалистами. Но и бывает так, что инициатором реформ глава государства может и не быть, но при условии убеждения его в необходимости изменений со стороны общественности или заинтересованных лиц становится возможным осуществление реформы;

Второй компонент – объект, без чего невозможна и не целенаправленна деятельность. Для реформаторства объектом специфически является социум в целом и отдельные его сферы, институты, структурно-функциональные и социальные связи, социальные и институциональные отношения. Как преобразовательная целенаправленная деятельность она направлена на объект расположенный в определенной сфере социума. Несомненно, есть определенные рамки для фиксирования объекта реформирования. Это социальный институт, социальные экономические или политические отношения, социальные связи конкретной сферы деятельности общества. Так, например, институт частной собственности как объект реформирования расположен в экономической сфере и через социально-экономические отношения людей по поводу обмена, владения, продажи частной собственности (недвижимости, ценных бумаг, денег) находится во взаимосвязях с другими объектами правовой, социальной и политической сфер. Реформирование института частной собственности непосредственно вызывает изменения во всех взаимосвязях института с другими компонентами структурно-функциональной системы общества. Поэтому объекты подлежащие реформированию располагаются на макро и мезоуровнях социума;

Третий компонент – это сферы реформаторской деятельности. Обычно под сферой деятельности понимаются определенные участки приложения человеческой активности. Для реформаторства это экономика, право, политика, наука, социальные сферы, охватывающие определенные институты и отношения, как, например, образование или отношения частной собственности. Сами сферы, наличие их специфики функционирования, особенности структурно-функциональных связей будут определять создание типов видоизменения объекта, т.е. мыслимые в них и возможные способы взаимоотношения человека с социумом. Отсюда и различия в разновидностях реформ: экономические, социальные, политические, правовые или конкретно в области применения, как пенсионная или реформа образования;

Четвертый компонент – это модель. Моделирование объекта в начале процесса реформирования вовлекает творца в репрезентацию разной степени истинности представлений не только вне-положенного социального объекта, но и самого познающего субъекта. Репрезентация в моделировании видоизменения объекта стремиться не к адекватному отражению, а к образцу принятому по соглашению: намерения субъекта

(репрезентатора) и потенциальные возможности объекта. В созданной модели видоизменения объекта отражаются цель и задачи реформирования, которые из идеального образа становятся предметно, материально фиксируемы в модели реформы. Модель видоизменения неразрывно связана с механизмом осуществления преобразовательной деятельности, с реформаторством;

Таким образом, пятый компонент есть механизм осуществления реформаторства, включающий в себя технологии и уровни воздействия на социальный объект (в политике, экономике, социальной, духовной или правовой сфере). Технология осуществления реформаторства подразумевает три важных составляющих: диагноз, разработка модели или проекта видоизменений в социуме и деятельность по корректировке функционирования социального объекта;

Шестой компонент определяет через что реализуется деятельность, в виде чего или каким способом? Несомненно, реформатор осуществляет преобразования в виде конкретной, исторически неповторимой и особенной по способу осуществления реформы. Отсюда реформа есть неразрывный компонент реформационного процесса.

Седьмой компонент не принципиален, но позволяет осмыслить предназначение реформаторства – это характер деятельности. Что есть реформаторство: созидание или разрушение, прогрессивно оно или нет, порождает нестабильность или дает управляемость социальной системой? Нельзя забывать, что в мире сложных социальных организаций человек существо духовное. И как духовное, психическое существо человек старается наделить смыслом сами процессы социальных изменений, инициированных им.

Подводя итог вышесказанному мы можем определить реформаторство в общекультурном смысле. Реформаторство – это специфический вид социальной деятельности субъекта, имеющего властные полномочия на осуществление реформ в обществе, которая направлена на целевое видоизменение объекта (института, отношений, структурно-функциональных и социальных связей) положенного в сферах социума на основе специально подготовленного механизма управления и контроля за преобразованием.

Мы с уверенностью можем сказать, что такие существенные признаки реформаторства как особый способ изменения вне-положенного социального объекта, осуществление реформаторства субъектом, наделенным властью, когда субъект деятельности осознает цели преобразования, когда возможна управляемость преобразованием со стороны субъекта и деятельность ориентирована на качественные изменения объекта, позволяют не только существовать реформаторству как проверенному способу преобразовательной деятельности, но и эволюционировать, накапливая исторический опыт практики реформирования. В связи с этим, обозначенные в статье аспекты изучения реформаторства требуют дальнейшего исследования в их взаимосвязи с проблемой возможного и действительного в осуществлении реформ.

Библиографические ссылки:

1. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип / Г. С. Батищев // Проблема человека в современной философии.-Москва, 1969.
2. Борачук В. В. Реформирование системы управления промышленным предприятием в условиях нестабильности внешней среды : диссертация ... кандидата экономических наук : 08. 00. 05 / В. В. Борачук – Белгород, 2011.- 195 с
3. Вахнин Л. Е. Политические аспекты реформирования государственной службы Российской Федерации в контексте демократизации политической системы на современном этапе : диссертация ... кандидата политических наук : 23. 00. 02 / Л. Е. Вахнин – Москва, 2006.- 216 с.
4. Власов Ю. Н. Феномен реформаторства в истории России. /Ю. Н. Власов – Москва: Издательский отдел ГАСК, 1998.- 120с.
5. Егоров Г. Е. Системный характер социальных реформ в современной России : социально-философский анализ : автореферат дис.... кандидата философских наук : 09. 00. 11. / Г. Е. Егоров.- Пятигорск, 2009.- 21 с.
6. Журавлев М. М. Государственно правовые инновации: социально-философский анализ: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. доктора филос. наук :09. 00. 11. / М. М. Журавлев.-Томск, 2002;
7. Заславская Т. И. О движущих силах трансформации российского общества / Т. И. Заславская // Общество и экономика: научный журнал – Москва, 2003.- №6.- С. 65-84
8. Заяц П. В. Экономическое реформирование современной России: правительственный курс и партийно-политические программы : 90-е гг. XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07. 00. 02. / П. В. Заяц – Ростов-на-Дону, 2002.- 256 с
9. Ильенков Э. В. С чего начинается личность? /Э. В. Ильенков.- Москва:Наука, 1984.-388с.;
10. Каган М. С. Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа) /М. С. Каган.- Москва: Изд-во Политиздат, 1974. – 327 с.
11. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. / Р. Коллинз – Новосибирск: Из-во Сибирский хронограф, 2002. – 1283 с.
12. Разумовский В. Ю. Российское государство как субъект и объект реформирования: историко-политологический анализ основных идеологем : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук : 23. 00. 02

/ В. Ю. Разумовский – Москва, 1999.

13. Соколов Р. Ю. Социальная деятельность: структура и основные параметры [Электронный ресурс]: Дис...канд. филос. н. : 09. 00. 11. / Р. Ю. Соколов.- Ставрополь: РГБ, 2007.- Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/diss/07/0022>.

14. Сорокин Д. С. Реформирование системы и структуры федеральных органов исполнительной власти Российской Федерации : Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук : 03. 00. 27 / Д. С. Сорокин.- Москва, 2004;

15. Синюгин В. Ю. Административно-правовое обеспечение реформирования управленческой деятельности исполнительных органов государственной власти : диссертация ... доктора юридических наук : 12. 00. 14 / В. Ю. Синюгин.- Москва, 2011.- 412 с.

16. Тибилев Д. П. Экономическое развитие субъектов угольного рынка в условиях реформирования естественных монополий : диссертация ... доктора экономических наук : 08. 00. 05. / Д. П. Тибилев.- Москва, 2005.- 262 с.

17. Чечкин С. Н. Концепция рыночных реформ в России в трактовке зарубежных аналитиков : автореферат дис... кандидата экономических наук : 08. 00. 01 / С. Н. Чечкин.- Москва, 2008.- 22 с.

18. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. / Г. П. Щедровицкий.- Москва: Наука, 1995.- 560 с.;

19. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности / Э. Г. Юдин.- Москва: Прогресс, 1975.- 370 с.

Грицькевич Т. І. Сутність та специфіка реформаторства.

Соціально-філософською проблемою сучасного суспільствознавства є важкість виділення реформаторської діяльності серед інших видів перетворювальної діяльності. Аналізуються особливості реформаторства і виділені такі істотні ознаки діяльності, як: спосіб зміни, усвідомленість мети перетворення, керованість і орієнтація на якісні зміни об'єкта; розкриваються структуроутворюючі її елементи і виділені критерії, за яких можливе реформаторство.

Ключові слова: реформаторство, суб'єкт – об'єкт – процес реформування, модель і механізм перетворення об'єкта.

Gritskevich T. The main points and specificity of reformation

The socially-philosophical problem of the modern Social Studies is that it is rather difficult to single out reformative activity among other types of the conversion system. The article studies the reformative peculiarities and marks out such essential features of the activity as the way of change, consciousness of the reformative goal, manageability and the object's quality changes orientation; moreover, it discloses its structure-forming elements and the criteria which make the reformation possible.

G. P. Schedrovitsky, G. S. Batischev, M. S. Kagan, E. V. Ilyenkov and E. G. Judin's ideas make it possible to solve the problem of the interconnection between man and society on the basis of connecting them social activity. It is the only thing that explains the following interactive system: "subject and object activity". The social activity acts as the revolutionary-destructive and constructive form as the reformation of social objects.

The source of reformation is contained in the reflection over the social practice content. Reformation is part and parcel either of the reformer-subject, accomplishing reformation or the reform, which acts as the way of change, or the reformative process.

Reformation has its distinctive features such as goal-setting and activity orientation on the object modification. The reformer realizes, intentionally performs an act, suggests and desires for a result. The following points make reformation possible:

- firstly, knowledge about the reformation object;
- secondly, the reformer has powers of authority;
- thirdly, the ability to make up the object model after changes;
- fourthly, the presence of skills and abilities to implement the reformation;
- fifthly, the ability to define the goal of the reformation and build a team for the plan implementation;
- sixthly, the presence of the intellectual points in the concept of changes caused by the society.

The reformation structure contains:

subject – is a person who has legal power to make the reforms (presidents, ministers, etc.)

object – is the social institutes, social relations;

spheres, where the reformation is feasible;

reform as a model of object modification;

mechanism of its implementation, including technologies and the level of impact on the social object.

From the cultural point of view reformation is the activity pointed at reforming.

Keywords: reformation, the subject – the object – the process of reforming, the model and the mechanism of transforming the object.

Надійшла до редколегії 01.03.2013 р.

УДК 215 : 281.9

С. М. Гуменюк

Національний університет водного господарства та природокористування (м. Рівне)

УКРАЇНСЬКО-ПОЛЬСЬКІ ВІДНОСИНИ: РЕТРОСПЕКТИВНИЙ ПОГЛЯД НА ВИТОКИ РЕЛІГІЙНОЇ ТОЛЕРАНТНОСТІ

У статті здійснено аналіз історико-філософського періоду кінця XVI-го початку – XVII ст. та перших тенденційних спроб римокатоликів, серед яких математик Ян Лятош, поет Симон Пекалід, канцлер Лев Сапіга і письменник Ян Щасний-Гербрут, котрі, не втрачаючи власних релігійних